

**РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ ЕВРОПЕЙСКОГО
CASTRUM DOLORIS. ОСОБЕННОСТИ
УБРАНСТВА ИМПЕРАТОРСКИХ ПЕЧАЛЬНЫХ
ЗАЛОВ В РОССИИ XVIII ВЕКА**

Екатерина А. Тюхменева

*Научно-исследовательский институт теории и истории
изобразительных искусств Российской академии художеств, Москва, Россия,
tyukhmeneva@mail.ru*

Аннотация. В статье впервые рассматриваются основные принципы художественного оформления *Castrum doloris* (Печальных залов) российских монархов в XVIII столетии. Исходя из специфики объекта исследования, автор применяет комплексный метод, в основе которого лежит научная реконструкция некогда грандиозных траурных ансамблей. При подготовке к погребению Петра I была выработана определенная модель печального убранства, восходившая к европейским образцам и сохранявшаяся в России на протяжении всего XVIII века. Художественное решение траурных ансамблей подчинялось общим законам, характерным для церемониальной культуры Нового времени, и отвечало стилевому развитию искусства. В статье вводятся новые материалы, уточняются вопросы терминологии.

Ключевые слова: *Castrum doloris*, Печальный зал, погребальный церемониал, траурное убранство, русское искусство XVIII века, окказиональное искусство

Для цитирования: Тюхменева Е.А. Российская модель европейского *Castrum doloris*. Особенности убранства императорских Печальных залов в России XVIII века // Academia. 2021. №0. С. 41–54.
DOI: 10.37953-2079-0341-2021-1-41-54

**THE RUSSIAN MODEL OF THE EUROPEAN
CASTRUM DOLORIS. DECORATION
OF THE IMPERIAL FUNERAL HALLS
IN 18TH-CENTURY RUSSIA**

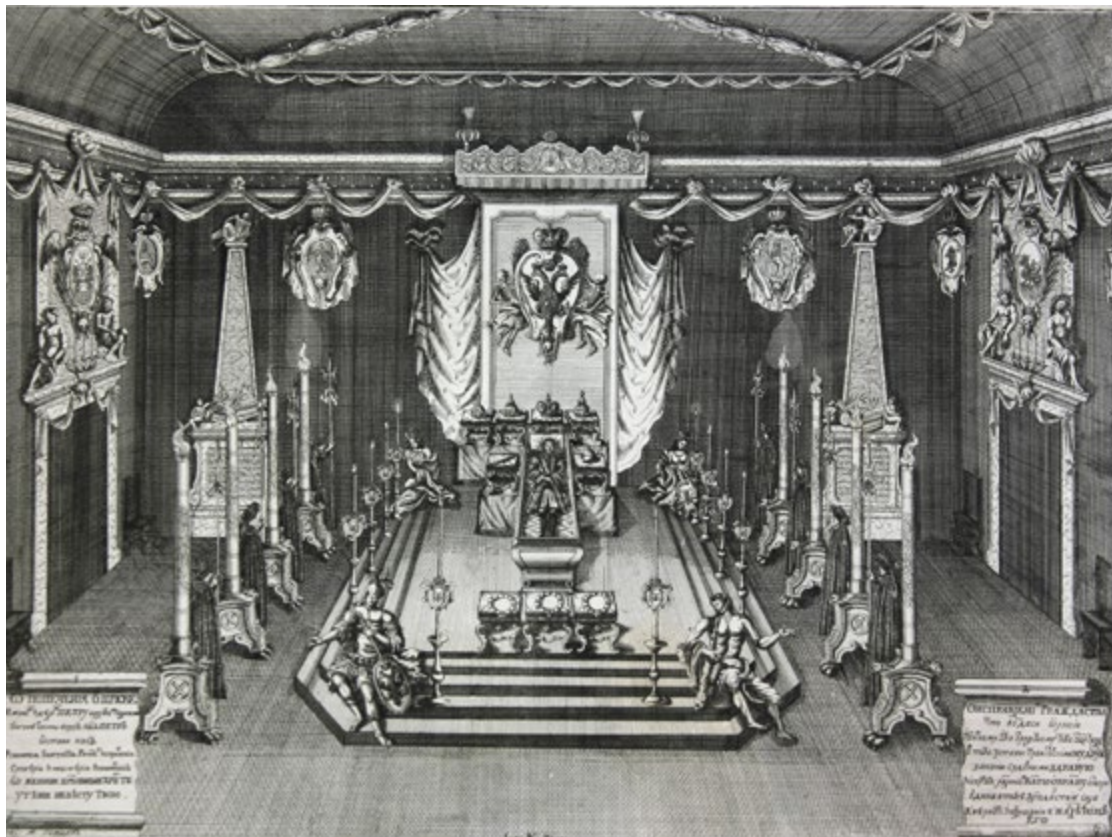
Ekaterina A. Tyukhmeneva

*Research Institute of Theory and History of Fine Arts, Russian Academy of Arts,
Moscow, Russia, tyukhmeneva@mail.ru*

Abstract. This article discusses the main decorative principles of *Castrum doloris* for the Russian emperors in the 18th century. The author applies a complex method, which is based on the academic reconstruction of the once-grandiose mourning ensembles. In preparation for the burial of Peter the Great, a certain model of funeral decoration was created and was preserved in Russia throughout the 18th century. The design of mourning ensembles followed the general laws of the ceremonial culture of that period, and corresponded to the stylistic development of art. The article introduces new materials and factual data, and clarifies certain issues of terminology.

Keywords: *Castrum doloris*, Funeral hall, funeral ceremonies, funeral decorations, Russian art of the 18th century, occasional art

For citation: Tyukhmeneva, E.A. (2019), "The Russian model of the European *Castrum doloris*. Decoration of the Imperial Funeral halls in 18th century Russia", Academia, 2021, no. 1, pp. 41–54.
DOI: 10.37953-2079-0341-2021-1-41-54

Ил. 1. Ростовцев А. И. (по рис. М. Г. Земцова). Вид погребальной залы Петра I. 1725. Офорт, резец. Архив СПбИИ РАН

Проблематика, связанная с «театром монаршей смерти» в России Нового времени, все больше занимает внимание исследователей. За последние десятилетия хорошо изучены траурный церемониал Дома Романовых и процесс его сложения в петровскую эпоху, а также организация погребений отдельных представителей правящей династии [Матвеев 1984, с. 144–177; Ритуал печального кортежа; Агеева 2001, с. 491–505; Гендриков 2007, с. 170–176; Агеева 2006, с. 249–268; Прокопьев 2007, с. 46–67; Аронова 2007, с. 108–141; Агеева 2007, с. 5–13; Логунова 2011; Агеева 2015, с. 5–11; Аронова 2016, с. 98–135; Болотина 2016, с. 23–32; Корндорф 2018, с. 387–415]¹. Цель настоящей работы — проследить основные принципы художественного оформления *Castrum doloris*, одного из важных составляющих печального ритуала прощания с российскими императорами на протяжении XVIII — начала XIX века.

В канонической европейской литературе термин *Castrum doloris* (Замок скорби) известен с XV столетия [Рорелка 1994, р. 25; Аронова 2007, с. 111]. Создание наиболее грандиозных траурных ансамблей относится к концу XVI–XVIII векам, что было связано, очевидно, с укреплением монархической власти. *Castrum doloris* обозначал высокое положение умершего — его посвящали главам государств и их родственникам, высшим церковным иерархам и особо знатным людям. Возводившийся обычно в пространстве храма или капеллы, он представлял собой архитектурную конструкцию или декорацию, сопровождавшую катафалк с гробом. Основным элементом ансамбля, как правило, служил балдахин. *Castrum doloris* мог включать геральдические и вензелевые знаки, траурную символику, эпитафии, эмблемы и аллегорические образы (нередко выражающие скорбь), а также цветы. Прославлению образа усопшего способствовали внушительные размеры ансамбля, общее богатство отделки, использование либо имитация драгоценных и дорогих материалов и высокое качество исполнения. Величие и торжественность обстановки подчеркивали продуманная система расстановки свечей и демонстрация символов власти, размещавшихся обычно на специальных табуретах,

¹ Миролубова Г. А. Последний путь // Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба...»: кат. выставки (в Государственном Эрмитаже, 27 мая — 2 октября 2005 года). СПб., 2005. С. 160–181.

скамьях или столах. Художественное решение каждого отдельного ансамбля зависело от ряда факторов. Среди них — стилевые предпочтения эпохи, специфика национальной художественной школы и культурной традиции в целом, политическая ситуация, роль инвенторов и мастеров, создававших проект убранства и наблюдавших за его реализацией.

Первым *Castrum doloris* в России принято считать траурный зал царицы Прасковьи Федоровны, скончавшейся в октябре 1723 года. Маршалы погребения, пишет Ф.-В. Берхгольц, сопровождавший герцога Голштинского при посещении тела покойной, «провели нас в большую залу, где царица стояла в открытом гробу на катафалке (*Castrum doloris*), устроенном как парадная постель» [Берхгольц 2000, с. 159–160]². Согласно сохранившемуся описанию погребения Прасковьи Федоровны, под траурный зал был переделан большой зал «во дворе Ея Величества, что на реке Фонтанке»³. То есть первый *Castrum doloris* в России разместили не в церковном, как это было характерно для Европы, а в светском пространстве. Погребальный церемониал Петра I закрепил данное начинание. Причиной такого расхождения, по-видимому, послужило то обстоятельство, что на момент смерти Прасковьи Федоровны, а также Петра I Петропавловский собор еще не был достроен, и соорудить в нем *Castrum doloris* не представлялось возможным⁴. Более того, по свидетельству Берхгольца, предполагалось, что останки царицы, перевезенные после прощания в Александро-Невский монастырь, будут оставаться там «только до времени окончательного устройства в крепости императорского склепа» [Берхгольц 2000, с. 159].

Как справедливо пишет О.Г. Агеева, с момента погребения Прасковьи Федоровны создание *Castrum doloris* стало «нормой Русского двора» [Агеева 2015, с. 8]. Так получилось, что на пресечение этой традиции, просуществовавшей в России на протяжении всего XVIII века, во многом оказали влияние сложившиеся обстоятельства. Александр I скончался вдали от Петербурга, его тело необходимо было перевозить к месту погребения, в связи с чем пришлось серьезно корректировать принятый траурный церемониал⁵.

Очевидно и другое. При подготовке траурного зала Прасковьи Федоровны были совмещены две общепринятые в Европе формы прощания с усопшим — во дворце на парадной кровати и в храме (или капелле) в *Castrum doloris*, что, как мы видели, отмечено у Берхгольца, хорошо знакомого с устоявшейся погребальной практикой. Так, решение центральной части траурного зала царицы, где гроб находился на поставленном близко к стене катафалке (вместо кровати) под балдахином, несущим вензелевые знаки, с изображением российского герба в изголовье и в окружении свечей, напоминало оформление тронного места с парадной кроватью. Прочие элементы убранства — черная обивка зала с декоративным черно-белым поясом по карнизу, размещенные на стенах геральдические и вензелевые образы, памятные надписи, траурная символика, демонстрация атрибутов власти, а также особая система освещения — были характерны скорее для *Castrum doloris*. В любом случае именно траурный зал Прасковьи Федоровны, как уже отмечалось некоторыми исследователями [Аронова 2007, с. 123–124; Агеева 2015, с. 8], послужил моделью для Печального зала Петра I, на который в свою очередь ориентировались при организации погребений последующих российских монархов.

С 1725 года официальное прощание с императорской персоной в России XVIII века происходило в три этапа, в различно оформленных согласно церемониалу помещениях. Первый раз подданные могли попрощаться с правителем, лежащим на парадной кровати в одном из парадных залов своей резиденции. Второй раз — когда тело, положенное

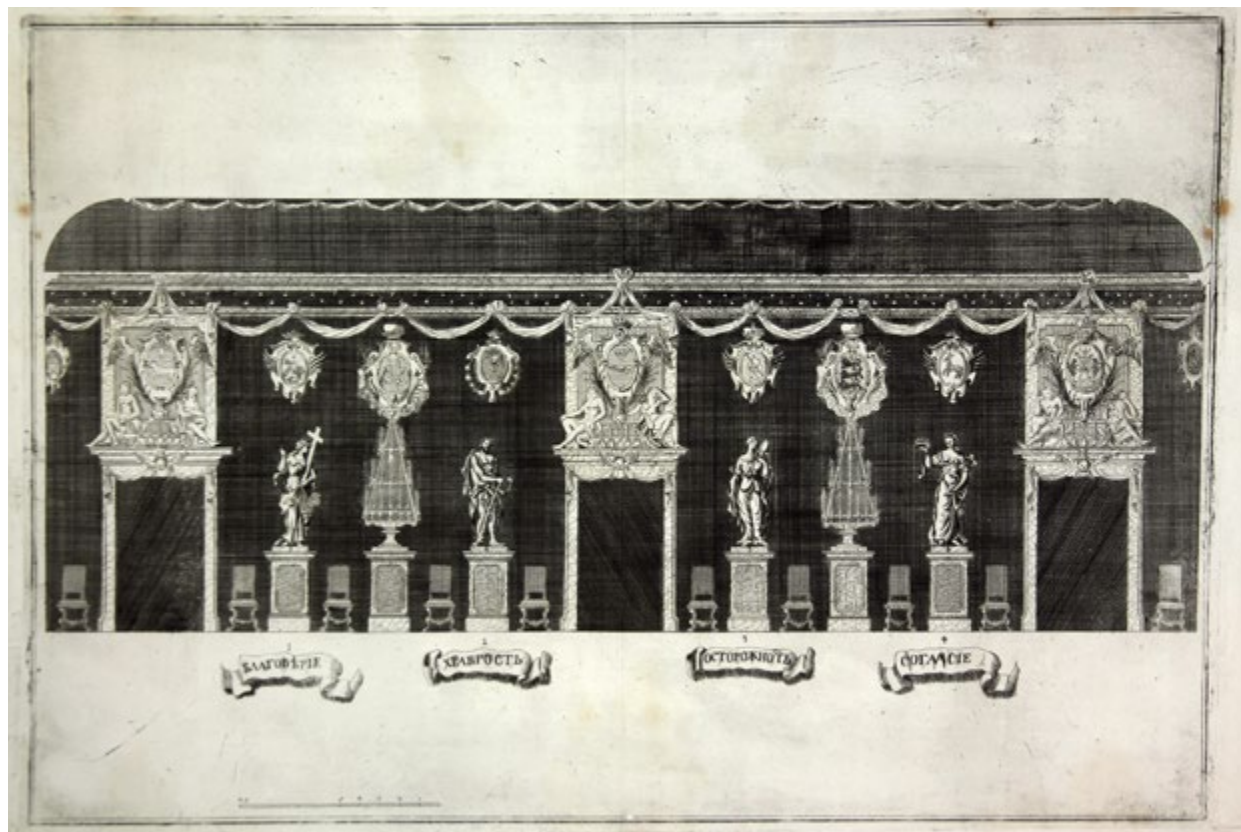
² Любопытно, что в сохранившемся официальном описании погребения Прасковьи Федоровны, сделанном на русском языке, траурный зал вообще не имеет никакого обозначения, текст открывается словами: «Во дворе Ея Величества, что на реке Фонтанке, в Большой зале поставлен был бархатной парпурового цвету балдахин...»: ОПИ ГИМ.Ф. 180. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 2. Документ введен в научный оборот О.Г. Агеевой (Агеева 2015, с. 5–11).

В настоящей статье цитаты из источников даются с сохранением правописания подлинников со следующими исключениями: вышедшие из употребления буквы заменены на современные аналоги; где это необходимо, строчные буквы — на заглавные и наоборот; «ъ» в конце слов опущен; проставлено «й».

³ ОПИ ГИМ.Ф. 180. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 2.

⁴ Данное предположение в связи с устройством *Castrum doloris* Петра I высказала А.А. Аронова [Аронова 2007, с. 111].

⁵ Подробнее об организации погребения Александра I см.: Миролюбова Г.А. Последний путь // Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба...»: кат. выст. (в Государственном Эрмитаже, 27 мая — 2 октября 2005 года). СПб., 2005. С. 160–181.

Ил. 2. Коровин С. М. (по рис. М. Г. Земцова). Оформление стены погребальной залы Петра I. 1725. Офорт, резец. Архив СПбИИ РАН

в гроб, было поставлено в *Castrum doloris*, располагавшемся в отличие от европейского канона также в светском пространстве — наиболее представительном зале той же резиденции монарха. Наконец, в третий раз — в Петропавловском соборе (с Петром II прощались в Архангельском соборе Московского Кремля), получавшем особое траурное оформление⁶.

Печальный зал Петра I был устроен, как известно, в Кавалерском зале Зимнего дворца в Петербурге [Михайлов 2002, с. 137–139], Петра II — в Столовой палате московского Слободского (ныне — Лефортовского) дворца⁷. Гроб с телом Анны Иоанновны был выставлен в большом зале Летнего дворца, построенного на месте «Залы для славных торжествований» в Летнем саду в Петербурге, а Печальный зал Елизаветы Петровны находился в большом зале временного Зимнего дворца на Мойке. Публичное прощание с Екатериной II (и Петром III) происходило в Гербовом зале (тогда в Большой или Белой галерее) Зимнего дворца⁸, с Павлом I — в Воскресенском (Белом) зале Михайловского замка [Корндорф 2018, с. 408]⁹.

Информация о европейских формах придворной жизни, в том числе принятом погребальном церемониале, поступала в Россию по нескольким каналам¹⁰. В первой четверти XVIII века целенаправленный сбор необходимого материала вели сотрудники постоянных русских посольств за границей. Например, в Российском государственном архиве древних актов отложились документы с выписками о траурах и погребальном церемониале представителей королевских фамилий крупных Дворов

⁶ Подробнее о принципах оформления императорского погребального церемониала на протяжении XVIII века см.: Тюхменева 2020, с. 79–98.

⁷ РГАДА. Ф. 470. Оп. 1. Вн. оп. 77 / 189. Ед. хр. 2. Л. 7.

⁸ РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Ед. хр. 2026. Л. 77 об.

⁹ Тело Петра I было выставлено в Печальном зале — с 13.02 по 10.03.1725; Петра II — с 09.02 по 11.02.1730; Анны Иоанновны — с 16.11 по 23.12.1740; Елизаветы Петровны — с 25.01 по 05.02.1762; Екатерины II — с 25.11 по 05.12.1796; Павла I — с 20.03 по 23.03.1801.

¹⁰ Об этом см. также: Агеева 2006, с. 249–250; Гендриков 2007, с. 170–176.

Европы — «цесарского», французского, прусского, саксонского, шведского, английского¹¹. В них присутствуют сведения и об устройстве *Castrum doloris*. Соответствующие рукописи, издания, рисунки и гравюры могли находиться в собраниях членов Дома Романовых и их приближенных. Как заметила А.А. Аронова, в библиотеке Я.В. Брюса, трудившегося над проектом убранства Печального зала Петра I, в двух экземплярах был представлен погребальный альбом бранденбургского курфюрста Фридриха Вильгельма I, скончавшегося в 1688 году [Аронова 2007, с. 122, 139–140 (прим. 67)]. Знакомство отечественной элиты с общепринятыми нормами происходило также во время поездок за границу.

Европейский опыт церемониальной культуры перенимали и у приглашенных на русскую службу иностранцев. Программу *Castrum doloris* Прасковьи Федоровны разрабатывал граф Ф. Санти, Петра I — граф Я.В. Брюс (предки которого жили в России с середины XVII в.) и Г.-И. Бон, Петра II — барон Г. Габихсталь (не исключено, что при участии Ф. Прокоповича), Елизаветы Петровны — Я. Штелин. Оформление Печального зала Петра I велось под руководством Н. Пино и Л. Каравака, Петра II — Ж.-Б. Мишеля¹². Каравак (вместе с М.Г. Земцовым) возглавлял работы и по созданию траурного зала Анны Иоанновны. Проекты дворцового катафалка к погребению Екатерины II с Петром III и, скорее всего, Павла I выполнил Дж. Кваренги. Исключение составил А.Ф. Кокоринов, которому было поручено осуществить убранство Печального зала Елизаветы Петровны.

Термин *Castrum doloris* активно вошел в русский речевой обиход в начале 1720-х годов. Он неоднократно используется авторами упоминаемых выше выписок о траурах и погребальном церемониале ведущих Дворов Европы, целенаправленно составлявшихся для Петра I¹³. Как мы видели, его употребляет и Берхгольц, повествуя об устройстве траурного зала царицы Прасковьи Федоровны. В описании похорон Петра I и его дочери Наталии Петровны, изданном в 1725 и 1726 годах, этот термин встречается единожды, в самом начале текста, в русскоязычной транскрипции и в сопровождении отечественного перевода-пояснения, который и применяется в дальнейшем изложении [Описание порядка; Феофан Прокопович 1831, с. 39–120]. «Ради убранства каструм долорис, или печальной салы, — говорится в тексте, — и ко учреждению церемонии, для погребения тела Его Императорского Величества, определен был Генерал-Фельдцейхмейстер, Сенатор и Кавалер Граф Яков Виллимович Брюс, и с ним Генерал-Лейтенант Бон» [Феофан Прокопович 1831, с. 39–40].

Известные нам официальные описания второй трети XVIII века не содержат термин *Castrum doloris*¹⁴. В текстах, касающихся похоронного ритуала императриц, находим принятое со времен Петра I наименование Печальный зал, а в случае с Анной Иоанновной — еще и Фюнеральный зал (скорее всего, транскрипция с французского языка: *funéraire*, *funèbre*)¹⁵. В описании убранства интерьеров к прощанию с Петром II употребляется словосочетание Траурный зал (пришедшее, очевидно, из немецкого языка: *Trauer*). Возможно, это было связано с тем, что художественными работами в Печальной комиссии Анны Иоанновны заведовал француз Каравак, а инвентором погребального церемониала Петра II выступал немец Габихсталь. В делах, посвященных похоронам Екатерины II (и Петра III), встречаются оба определения — «Печальный зал» (либо «Печальное место») и *Castrum doloris*, причем последнее в разных вариантах написания — и на латинском, и на русском языке¹⁶. Так, например, в одном из документов поясняется, что в «большой галлерее» (Гербовый зал) Зимнего дворца «устроено было великолепно Печальное место,

¹¹ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Ед. хр. 122а, 187.

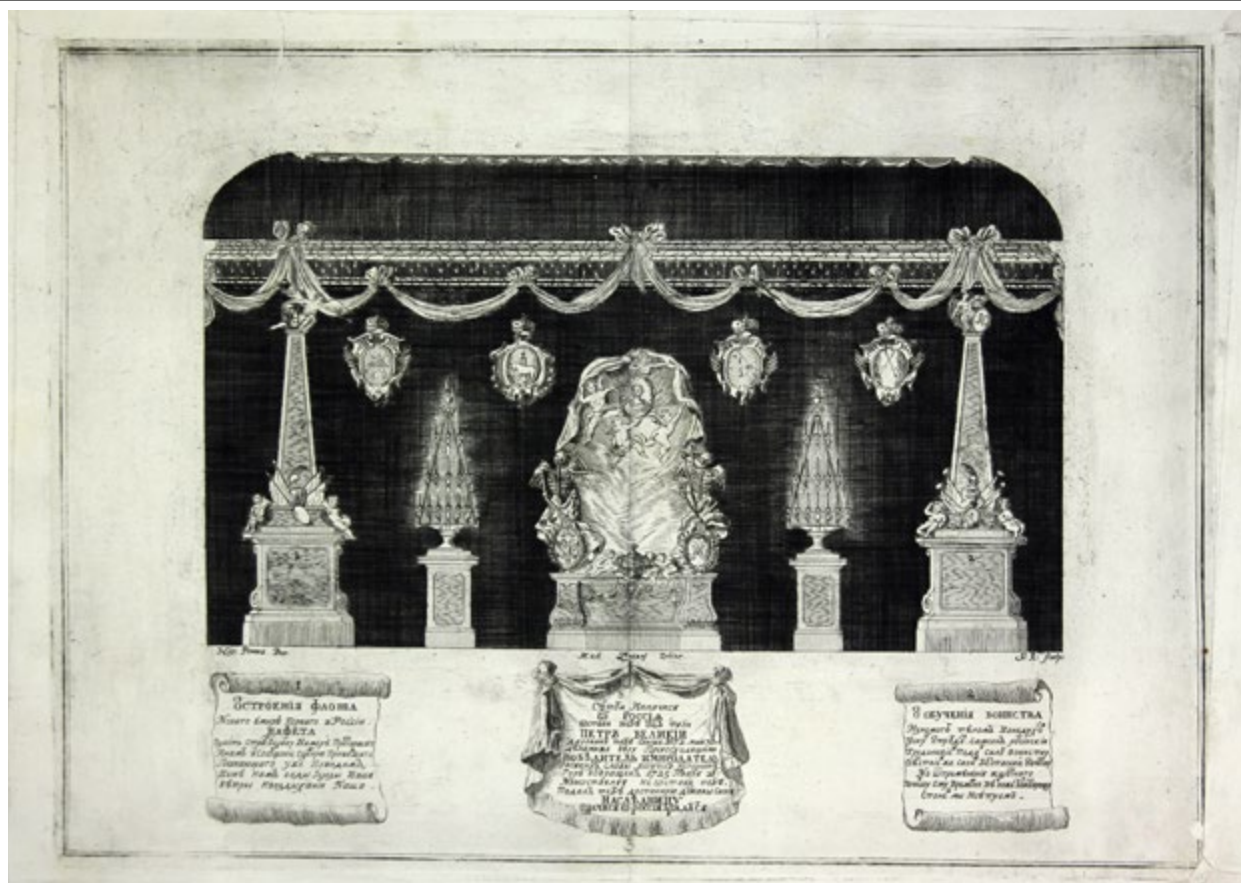
¹² РГАДА. Ф. 470. Оп. 1. Вн. оп. 77 / 189. Ед. хр. 2.

¹³ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Ед. хр. 122а, 187.

¹⁴ Описание Траурной Залы, в которой выставлено было, к общему поклонению, тело блаженныя памяти Государя Императора Петра Алексеевича Иго Самодержца Всероссийскаго // РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Ед. хр. 186. Л. 1–3 об.; Описание убранной залы, в которой... поставлен был гроб с... телом... Государыни Императрицы Елизаветы Петровны... // Титов 1903, с. 141–144. Описание Печального зала Анны Иоанновны известно по материалам, опубликованным Е.П. Карновичем в романе «Любовь и корона», гл. 10 (Карнович 1992, с. 52–54); см. также: Внутренний быт, с. 450–451 (некоторые сведения не совпадают в этих источниках).

¹⁵ См., например: РГАДА. Ф. 248. Оп. 110. Ед. хр. 304; Внутренний быт, с. 450.

¹⁶ См., в частности: РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Ед. хр. 201, 202б.

Ил. 3. Коровин С. М. (по рис. М. Г. Земцова). Оформление стены погребальной залы Петра I. 1725. Офорт, резец. Архив СПб ИИ РАН

называемое *Кострум долорис*¹⁷. В делах Печальной комиссии, фиксирующих процесс организации похорон Павла I, используется в основном наименование Траурный зал¹⁸.

Решение центральной части императорских *Castrum doloris*, повторяющее устройство тронного места с парадной кроватью, просуществовало вплоть до организации похорон Елизаветы Петровны. Только вместо парадной кровати рядом со стеной на специальном возвышении (троне или амвоне) под балдахином ставился катафалк с гробом. При этом все элементы тронного места сохраняли вариант традиционной торжественной отделки. Так, покрытие трона выполнялось из малинового (кармазинного) бархата. Из того же материала, украшенного золотыми кистями, бахромой, позументом и императорскими вензелями, были сделаны балдахины Печальных залов Петра I, Петра II и Анны Иоанновны. А гроб с телом Елизаветы Петровны, согласно описанию, осенял «золотой балдахин», отделанный серебряными галунами, шнурами и кистями [Титов 1903, с. 141]. Характерный для большинства европейских стран траурный черный цвет (с серебряной отделкой) погребального балдахина и возвышения под гробом был применен в Печальном зале Екатерины II¹⁹. В *Castrum doloris* российских монархов первой половины XVIII века на стене между балдахином и тронном находилось большое изображение государственного герба (в окружении Андреевской цепи и с московским гербом на груди орла), дополненное императорской мантией, сродни тому, как это можно было видеть в оформлении тронного места. В случае с Петром I данное гербовое изображение поддерживалось от «писанных скелетов, величиною в человеческую меру»²⁰. Мантия, императорский гроб (снаружи) и покров под ним были золотыми.

¹⁷ РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Ед. хр. 2026. Л. 77 об.

¹⁸ См., например: РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Ед. хр. 206.

¹⁹ Не исключено, черный цвет выбрали по причине того, что императрица была вдовой. В Печальный зал Анны Иоанновны первоначально также планировали сделать черный балдахин [Внутренний быт, с. 451].

²⁰ Подробнее об этом см.: Тюхменева 2019, с. 321.

По словам А.А. Ароновой, в европейских странах «на протяжении всей своей истории *Castrum doloris* всегда возводился... как дословное и зримое воплощение „Убежища скорби“, независимо от конфессиональной принадлежности усопшего [Аронова 2007, с. 123]. Лейтмотивом Печальных залов российских императоров являлось оплакивание умершего монарха. В первой половине XVIII века раскрытию этой темы способствовали, прежде всего, скульптурные и живописные образы, а также соответствующие надписи-эпитафии. Особенно наглядно тема оплакивания была развита в убранстве Печальных залов Петра I, Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. В 1725 году горестному событию придавался почти вселенский размах и надысторический пафос. На ступенях по углам трона с гробом царя-реформатора восседали статуи России, Европы, Марса (с Московским гербом на щите) и Геркулеса, представленных в скорбном виде. В программы Печальных залов императриц был заложен иной, внутривосточный масштаб. Они, как говорится в описании «убранной залы» Елизаветы Петровны, призваны были показать «Российское государство, сетующее и плачущее при гробе вселюбнейшая своя Самодержица» [Титов 1903, с. 141], или, в сокращенном варианте текста, «Российскую империю в печали»²¹. Присутствовала в них и статуя России. Только она находилась напротив трона с гробом и указывала на стоящий рядом «монумент», решенный в виде возвышающегося на пьедестале обелиска (пирамиды). Известно, что в Печальном зале Елизаветы Петровны этот обелиск содержал портрет императрицы «на круглом щите» и надпись: «С воздыханием произносит» [Титов 1903, с. 144]; более просторную в первоначальном варианте — «Справедливая печаль России, лишась своей Матери Отечества»²².

В разработанной Штелиным программе имперское могущество Елизаветы Петровны обозначалось территориальной значимостью и географической обширностью подвластных земель. По углам трона с гробом императрицы располагались статуи, олицетворявшие Казанское, Астраханское и Сибирское царства, а также «великое княжество Московское», с «покрытыми лицами и в длинных одеяниях», «плачущие». В углах зала были размещены аллегорические образы морей России (Балтийского, Черного, Каспийского и «Ледовитого»), а по стенам — рек (Двины, Амура или Лены, Невы, Волги, Дона и Днепра). Территориально-географическая мощь государства подкреплялась демонстрацией широты социальных групп подданных (Придворный штат, Духовные, Воинские и Морские чины, Земство, Мещанство, Науки, Художества, Земледелие, Рудокопное дело, Мануфактуры и Коммерция). В отличие от петровской и елизаветинской программ, в Печальном зале Анны Иоанновны по четырем углам трона с гробом возвышались статуи — представленные «в печальном виде и в долгой одежде» Радость, Благополучие, Бодрость и Спокойствие, которые символизировали окончание «золотых времен» со смертью императрицы. Их скорбный образ должен был означать, что «российская радость пресекалась; все благополучие прекратилось, вся бодрость упала, и самое спокойствие миновало» [Карнович 1992, с. 53].

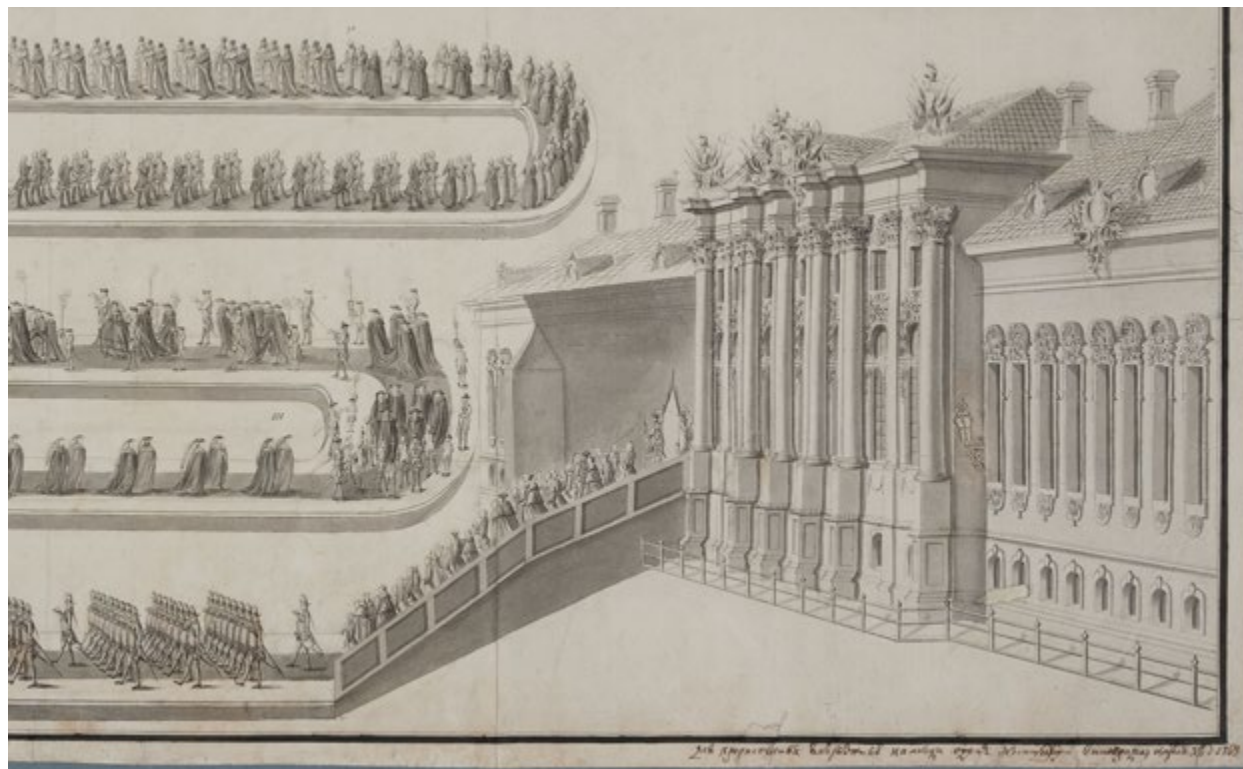
Тема территориального могущества правителя находила выражение и в геральдических знаках. По периметру Печальных залов XVIII века, за исключением, очевидно, посвященных Петру II и Павлу I, так же как в оформлении Грановитой палаты к коронации²³, были размещены региональные гербы России. Их количество и порядок следования в основном соответствовали принятой на тот момент титулатуре монарха. В обоих случаях — и к коронационным, и к погребальным торжествам — региональные гербы России располагались обычно в верхней зоне, примерно на уровне окон, а им могли сопутствовать изображения Российского герба и императорского вензеля на стенах, «где пристойно»²⁴.

²¹ РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Ед. хр. 195. Л. 93а.

²² Там же. Л. 93а–93а об.

²³ См., например: Обстоятельное описание, с. 89–90, ил. 31.

²⁴ Подробнее об этом применительно к первой половине XVIII века см.: Тюхменева 2019, с. 321–324. В дополнение к приведенным в указанной статье материалам отметим, что в Печальном зале Анны Иоанновны «гербы провинций» размещались «под самым... потолком» [Карнович 1992, с. 52–53], а в случае с Екатериной II «гербы всех наместничеств Российской Империи» были изображены на черных суконных завесах, закрывавших окна зала (РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Ед. хр. 2026. Л. 78).

Ил. 4. Свечин А. И. (при участии М. И. Махаева?). Погребальная процессия императрицы Елизаветы Петровны. 1762. Тушь, перо, кисть. БАН. Фрагмент

В убранстве Печального зала Петра I геральдические знаки дополнялись этнографическими образами, выражавшими свою скорбь. Так, согласно описанию, каждый из «великих» гербов (Киевский, Владимирский, Новгородский, Казанский, Астраханский, Сибирский, Псковский, Смоленский) сопровождали «по две сидящие фигуры из мрамора белаго величиною в человека, которые в действиях печальных предъявляли разные народы сея пространнейшия Империи» [Феофан Прокопович 1831, с. 60–61]. В Печальном зале Анны Иоанновны региональные гербы поддерживались двумя младенцами в знак того, что «все провинции России лишились своей матери». «Для большого же изъявления печали, — говорилось, по свидетельству Е. П. Карновича, в описании убранства этого зала, — означены были при окнах на черных завесах многочисленные серебряные слезы, которые должны были происходить от помянутых при гербах представленных плачущих младенцев» [Карнович 1992, с. 52–53]. Отметим, что образы опечаленных сынов России, лишившихся Матери Отечества, присутствовали и в программе траурного убранства по случаю смерти Елизаветы Петровны, только не дворцового зала, а интерьера Петропавловского собора. Они поддерживали картуши с различными коронами и венцами, «разным достоинствам и делам... Государыни Императрицы приличествующия» [Титов 1903, с. 154]. Мотив льющихся либо капающих слез впервые использовался в оформлении Печального зала Петра I. «Между двумя гзымзами, — поясняется в описании погребения монарха, — была синтура фунеральная (вероятно, транскрипция с французского языка: *ceinture funéraire*, *ceinture funèbre*. — *Е. Т.*), или погребательной пояс, посыпанная яко слезами, сделанными из обьяри» [Феофан Прокопович 1831, с. 51]. Очевидно, что эта французская традиция появилась в России не без участия Пино, руководившего работами по оформлению Печального зала Петра I. По мнению А. А. Ароновой, его влияние могло сказаться и в той особой роли, которая была уделена образам пирамид и скелетов [Аронова 2007, с. 120], о чем еще будет сказано ниже.

В соответствии с европейской традицией, помимо демонстрации имперского могущества важной составляющей программы российского *Castrum doloris* первой половины XVIII века являлось прославление собственных качеств правителя, его добродетелей, набор которых не отличался оригинальностью и в целом был характерен для панегирической культуры того времени. В Печальном зале Петра I их олицетворяли

аллегорические фигуры — Согласие, Премудрость (на гравюре — Осторожность)²⁵, Храбрость, Благоверие, Милосердие, Мир, Любовь к Отечеству и Справедливость [Феофан Прокопович 1831, с. 59–60], Петра II — Религия (видимо, Религиозность или Благоверие), Любовь к Отечеству, Милосердие и Щедрость²⁶. Среди добродетелей Анны Иоанновны выделялись Ревность к Богу, Вера, Храбрость и Великолепие [Карнович 1992, с. 53]. А прославление личных качеств Елизаветы Петровны стало основополагающей идеей траурного убранства Петропавловского собора [Титов 1903, с. 145–159]. В программе Печального зала Петра I, обладавшей наиболее развернутым характером, статуи добродетелей дополнялись четырьмя большими пирамидами, приставленными к стене. С помощью аллегорических образов и пространственных надписей они увековечивали основные заслуги великого императора как покровителя церкви, Отца Отечества, создателя военной и морской мощи России, приведшей к процветанию торговли.

Обязательным элементом Печальных залов российских монархов первой половины XVIII века, встречавшимся и в европейской практике, был мемориальный комплекс, содержащий эпитафию или, как сказано в описании погребения Петра I, «превеликое надгробное надписание» [Феофан Прокопович 1831, с. 56–58; Карнович 1992, с. 53; Титов 1903, с. 144]²⁷. В описании Печального зала Елизаветы Петровны, составленном по программе Штелина, он назван «монументом» или «гробницей» [Титов 1903, с. 144]. Во всех случаях этот мемориальный комплекс размещался напротив трона с гробом (со стороны ног) и напоминал надгробный памятник или, скорее, кенотаф. В Печальных залах Петра I, Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны он был сделан, очевидно, как единая отдельно стоящая конструкция, однако рассчитанная на фронтальную точку зрения. В Траурном зале Петра II находилось две «эпитафии», одна — на русском, другая — на латинском языке. Они представляли собой мемориальные доски (с пьедесталом), симметрично прикрепленные к стене по сторонам главного входа. В целом, решение мемориальных «монументов» императорских Печальных залов — весьма примечательно и заслуживает отдельного исследования. Отметим только, что общая композиция и набор образов досок-«эпитафий» Петра II близки к «надгробному надписанию» Петра I, а «гробницы» Елизаветы Петровны — к «зданию» Анны Иоанновны. В комплексах, посвященных императорам, памятная надпись располагалась на «завесе» (латинская эпитафия Петра II — на львиной шкуре), поддерживаемой двумя скелетами. Эти комплексы имели архитектурно оформленный пьедестал и содержали изображение урны. В случае с императрицами, как уже говорилось выше, «гробница», на которую указывала стоящая рядом статуя России, была выдержана в форме пирамиды. В колористическом решении мемориальных «монументов» обыгрывалось сочетание разных цветов мрамора: белый и зеленый у Петра I (с «яшмовым» и «бронзованным») и Елизаветы Петровны, белый, серый и голубой у Петра II, серый и красный у Анны Иоанновны. Отдельные детали и надписи были вызолочены или высеребрены.

К концу XVIII столетия барочные многофигурные скульптурно-живописные ансамбли *Castrum doloris*, содержащие сложную аллегорическую программу, сменяются более лаконичными архитектурными конструкциями, соответствующими классицистической стилистике. «Печальное место» Екатерины II в Гербовом зале Зимнего дворца было оформлено как овальный в плане храм композитного ордера, напоминавший античное святилище [Корндорф 2018, с. 396–401]²⁸. Из-под его купола, увенчанного фигурой двуглавого (на первоначальном проекте Кваренги — одноглавого) российского орла на шаре, спускался большой балдахин, расширявшийся к низу и покрывавший все внутреннее пространство колоннады, в центре которой на возвышении помещался

²⁵ Коровин С. М. (по рис. М. Г. Земцова). Оформление стены погребальной залы Петра I. Офорт, резец. 1725 // Архив СПбИИ РАН. Коллекция 238. Коллекция рукописей Н. П. Лихачева. Оп. 2. Картон 253. Ед. хр. 12. Л. 7.

²⁶ Описание Траурной Залы, в которой выставлено было, к общему поклонению, тело блаженныя памяти Государя Императора Петра Алексеевича Иго Самодержца Всероссийскаго // РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Ед. хр. 186. Л. 1 об. — 2.

²⁷ Коровин С. М. (по рис. М. Г. Земцова). Оформление стены погребальной залы Петра I. Офорт, резец. 1725 // Архив СПбИИ РАН. Коллекция 238. Коллекция рукописей Н. П. Лихачева. Оп. 2. Картон 253. Ед. хр. 12. Л. 6; Описание Траурной Залы, в которой выставлено было, к общему поклонению, тело блаженныя памяти Государя Императора Петра Алексеевича Иго Самодержца Всероссийскаго // РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Ед. хр. 186. Л. 2–2 об.

²⁸ См. также: РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Ед. хр. Л. 19, 77 об. — 78 об.

гроб императрицы (а с 2.12.1796 г. — еще и гроб с останками Петра III). По четырем углам основания этого храма были поставлены четыре алтаря с изображением вечного огня. Украшавшие их барельефы представляли песочные часы, опрокинутые факелы и ветви кипариса. На алтарях размещались и императорские вензеля. Балдахин, как уже отмечалось выше, был выполнен из черного бархата с серебряными кистями и бахромой и подложен с внутренней стороны белым атласом «на подобие горностаевого меху с хвостами». Подножие гроба также было обито черным бархатом. А вот табуреты, на которых выставлялись императорские регалии, имели традиционное исполнение — малиновый бархат и золотой газ. Они стояли между колоннами. В проекте катафалка Павла I Кваренги в целом сохранил структуру траурного сооружения, выполненного в честь Екатерины II. Только постамент для гроба и балдахин над ним архитектор заключил внутрь огромной мемориальной пирамиды, вписанной в колоннаду [Корндорф 2018, с. 408–411]. При этом не столь важно, что этот проект, скорее всего, не был осуществлен, поскольку Александр I, как известно, торопился с похоронами отца.

Помимо скорбящих образов, мемориальных «монументов», памятных надписей и «трофеев смерти» (погребальной символики — изображения скелетов, черепов, нередко с крыльями, кипарисовых ветвей, венков и проч.) созданию траурного настроения способствовала черная обивка Печальных залов, включавшая нередко стены, потолок и пол. При этом контрастным цветом — белым, золотым, серебряным или полосой из горностаевого меха (со свисающими хвостами) — обычно выделялись архитектурные членения зала — архитравы, карнизы, периметры плафона и дверных проемов. «Сверх же потолка, — говорится, например, в описании погребения Петра I, — протягались фестоны из газы, или из флера белаго, подвязаны черными лентами и золотыми, которое изображало четверугольность потолка» [Феофан Прокопович 1831, с. 51]²⁹. Такой «фалболой», собранной из контрастирующего черного и белого флера, был украшен карниз первого *Castrum doloris* царицы Прасковьи Федоровны, что, по словам Берхгольца, «делало хороший эффект» [Берхголец 2000, с. 160]. Окна и двери всегда плотно занавешивались. Традиция траурной обивки дворцовых помещений и интерьеров храмов существовала в погребальной практике европейских Дворов и была известна в России, о чем, например, свидетельствует выписка из «церемонии, бывшей после кончины курфюрста саксонского», присланная С.Г. Долгоруковым из Варшавы в феврале 1724 года³⁰. Выбор цвета, как правило, черного или пурпурного, зависел от нескольких факторов — сложившихся национальных предпочтений, социального положения усопшего и гендерного аспекта³¹.

Castrum doloris всегда отличала особая система освещения, способствовавшая созданию атмосферы торжественного величия. В наиболее скромном варианте огромные свечи возвышались вокруг катафалка с гробом, как это было при погребении саксонского курфюрста Иоганна Георга II [Аронова 2007, ил. на с. 116]. В масштабных развернутых ансамблях применялось множество различных по размерам свечей, которые размещались как отдельно, так и группами в подсвечниках, на жирандолях и на люстрах, создавая сложные нередко пирамидальные композиции. При устройстве траурных залов Прасковьи Федоровны и Петра I большие свечи, как в случае с *Castrum doloris* Иоганна Георга II, находились по сторонам и на ступенях трона с гробом. Их дополняли стенные подсвечники и люстры (паникадила). Жирандоли пирамидальной формы (что обязательно подчеркивается в описаниях), расставленные вдоль стен, присутствовали в большинстве Печальных залов российских монархов первой половины XVIII века. Известно также, что в *Castrum doloris* Петра I использовались лампы, а паникадила были перевязаны траурными лентами из черно-белой материи [Феофан Прокопович 1831, с. 51, 59].

На общем черном фоне особо выделялись светлые силуэты скульптурных образов, элементы, выполненные из объяри, а также золотые, серебряные и бронзовые поверхности и детали отделки, многократно отражавшие мерцание свечного огня. Все это

²⁹ Ростовцев А. И. (по рис. М. Г. Земцова). Вид погребального зала Петра I. Офорт, резец. 1725 // Архив СПбИИ РАН. Коллекция 238. Коллекция рукописей Н. П. Лихачева. Оп. 2. Картон 253. Ед. хр. 12. Л. 5.

³⁰ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Ед. хр. 187.

³¹ Там же. Ед. хр. 122а, 187.

придавало происходящему ощущение таинственности, границы реального размывались. Аллегорические персонажи, сделанные в человеческий рост или чуть больше человеческого роста и расположенные вокруг трона с гробом, практически становились соучастниками печального события. В зале постоянно читалось Евангелие. Ансамбль *Castrum doloris* всегда был рассчитан на чувственное зрительское восприятие. Церемония прощания в Печальном зале дворца превращалась, перефразируя А.А. Аронову [Аронова 2007, с. 108–141; Аронова 2016, с. 98–135], в последний триумф монарха. Причем этот триумф происходил на протяжении первой половины XVIII столетия в обстановке, созданной по традиционным законам художественного оформления официальных радостно-торжественных императорских приемов в тронных залах, но на черном фоне и в окружении скорбящих фигур.

Для того чтобы все желающие могли проститься с монархом, не нарушая чинной торжественности обстановки, сооружались специальные входы во дворец, задрапированные черным сукном, как это запечатлено на рисунках, изображающих погребальную процессию Елизаветы Петровны³². Над временным дверным проемом обычно размещался герб России. Как пишет А.А. Аронова, «приемы погребальной фасадной декорации также были элементом заимствования», поскольку траурное оформление церковных фасадов известно в Западной Европе на протяжении всего XVII столетия [Аронова 2007, с. 124]. В России традиция устраивать специальные входы, вероятно, перестала существовать в конце XVIII века. Так, «для последнего целования руки преставившейся» Екатерины II в Гербовом зале Зимнего дворца «впуск был на парадную большую лестницу (Иорданская лестница. — *Е. Т.*), а выпуск с малой каменной лестницы, что у церкви (очевидно, Церковной (Сретенской) лестницы. — *Е. Т.*)», причем «народ допускаем был всякаго состояния, кроме крестьян, дурно одетых»³³.

В отличие от коронационного убранства, создание которого во многом опиралось на накопленный опыт, связанный с организацией венчаний на царство, оформление печальных торжеств было новшеством в российской придворной культуре XVIII века. Огромную роль в становлении этого явления сыграл Петр I, серьезно относившийся к погребальному церемониалу на протяжении своего правления, начиная с 1700-х годов [Агеева 2001, с. 491–505; Логунова 2011]. Восходившая к европейским образцам, практика возведения *Castrum doloris* в России нашла свой путь развития, объединив две традиции — принципы устройства светского траурного зала с парадной кроватью и церковного *Castrum doloris*. Отечественное влияние сказалось, по-видимому, и в выборе колористического решения трона с катафалком и балдахина, выполнявшихся в первой половине XVIII столетия из малинового бархата с золотой отделкой или из золотой парчи. Отражая имперский статус страны, программа *Castrum doloris* призвана была, оплакивая, прославлять скончавшегося монарха, что вносило свой вклад в эволюцию панегирической культуры той эпохи. В этом отношении сильно выделялась программа Печального зала Петра I, подводившая итоги реформаторской деятельности царя и обладавшая тем самым ярким индивидуальным содержанием. Решение классицистических *Castrum doloris* 1796 и 1801 годов, напоминавших ротондальный античный храм, обладало интернациональным характером, об их принадлежности российским государям свидетельствовали преимущественно геральдические и вензелевые знаки. Во всех случаях создание погребального убранства требовало активной работы ведущих художественных сил с привлечением широкого круга исполнителей. Имперские притязания и богатые возможности России как одной из крупнейших мировых держав позволили осуществить на протяжении XVIII века проекты масштабных печальных ансамблей, которые стали заметным событием в европейской истории *Castrum doloris* Нового времени.

³² Свечин А. И. (при участии М. И. Махаева?). Погребальная процессия императрицы Елизаветы Петровны. Тушь, перо, кисть. 1762. БАН, ГИМ. Подробнее о рисунке из БАН см.: Алексеева 2013, с. 289, 290 (ил. 4).

³³ РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Ед. хр. 2026. Л. 78 об. — 79.

Литература

1. Агеева 2001 — Агеева О.Г. Петербургский траурный церемониал Дома Романовых в начале XVIII века // Феномен Петербурга: сб. ст. /отв. ред. Ю.Н. Беспятых. СПб., 2001. С. 491–505.
2. Агеева 2006 — Агеева О.Г. Европейские образцы и церемониалы русского императорского двора XVIII века // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия /отв. ред. А.В. Голубев. М., 2006. Вып. 3. С. 249–268.
3. Агеева 2007 — Агеева О.Г. К истории траурного церемониала Романовых петровского времени: редкий рисунок погребения представительницы царской семьи (из ОР РНБ) // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 38: Петровское время в лицах — 2007: материалы научн. конф. СПб., 2007. С. 5–13.
4. Агеева 2015 — Агеева О.Г. Церемониал погребения царицы Прасковьи Федоровны: редкий документ по истории русского двора начала XVIII века // Труды Государственного Эрмитажа Т. 78: Петровское время в лицах — 2015: материалы научн. конф. СПб., 2015. С. 5–11.
5. Алексеева 2013 — Алексеева М.А. Изображения коронационных и погребальных церемоний XVIII века. Изданные и неизданные альбомы // Алексеева М.А. Из истории русской гравюры XVII — начала XIX века. М.; СПб., 2013. С. 283–293.
6. Аронова 2007 — Аронова А.А. Императорский финал: Погребение Петра I как последнее придворное торжество государя-реформатора // Искусствознание. 2007. №3–4. С. 108–141.
7. Аронова 2016 — Аронова А.А. Последнее торжество императрицы Елизаветы Петровны // Искусствознание. 2016. №3. С. 98–135.
8. Берхгольц 2000 — Берхгольц Ф.-В. Дневник камерюнкера Ф.-В. Берхгольца. 1721–1725 (окончание) // Юность державы. М., 2000. С. 9–324.
9. Болотина 2016 — Болотина Н.Ю. Последний путь царевны Прасковьи Ивановны: церемониал похорон члена императорской фамилии Романовых // Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу: сб. ст. СПб., 2016. С. 23–32.
10. Внутренний быт — Внутренний быт Русского государства с 17 октября 1740 года по 25 ноября 1741 года по документам, хранящимся в Московском Архиве Министерства Юстиции. Кн. 1: Верховная власть и императорский дом. М., 1880.
11. Гендриков 2007 — Гендриков В.Б. Западноевропейские влияния в императорском погребальном ритуале // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 36: Российский императорский двор и Европа. Диалоги культур: избр. материалы конф. СПб., 2007. С. 170–176.
12. Карнович 1992 — Карнович Е.П. Любовь и корона. М., 1992. С. 52–54.
13. Корндорф 2018 — Корндорф А.С. Le grand théâtre de la mort. Джакомо Кваренги и погребальные церемонии императора Павла // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 96: Эрмитажные чтения памяти В.Ф. Левинсона-Лессинга (02.03.1893–27.06.1972). 2017–2018. СПб., 2018. С. 387–415.
14. Логунова 2011 — Логунова М.О. Печальные ритуалы императорской России. М., 2011.
15. Матвеев 1984 — Матвеев В.Ю. «Разных художеств мастера» (новые архивные материалы к истории русской культуры первой четверти XVIII века) // Наука и культура в России: сб. ст. Л., 1984. С. 144–177.
16. Михайлов 2002 — Михайлов Г.В. Зимние дворцы Петра I. Архитектура и художественное убранство. События и люди. СПб., 2002.
17. Обстоятельное описание — Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного вшествия в царствующий град Москву и священнейшего коронования... императрицы Елисавет Петровны... СПб., 1744.
18. Описание порядка — Описание порядка, держанного при погребении... Петра Великого... и... Наталии Петровны. СПб., 1725; М., 1726.
19. Прокопьев 2007 — Прокопьев А.Ю. Погребение Петра Великого: протестантский стандарт в православной России // Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII века: материалы междунар. научн. конф. СПб., 2007. С. 46–67.
20. Ритуал печального кортежа — Ритуал печального кортежа. Ритуал похорон Российских императоров. СПб., 1998.
21. Титов 1903 — Титов А.А. Дополнение к историческому, географическому, топографическому описанию Санктпетербурга, с 1751 по 1762 г., сочиненное А. Богдановым. М., 1903. С. 141–159.
22. Тюхменева 2019 — Тюхменева Е.А. Государственные символы в художественном оформлении императорского траурного церемониала в России первой половины XVIII века // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 101: Петровское время в лицах — 2019: материалы научн. конф. СПб., 2019. С. 316–326.
23. Тюхменева 2020 — Тюхменева Е.А. Печальные торжества Петра I: принципы художественного оформления и их развитие в императорском погребальном церемониале XVIII века // Культура и искусство. 2020. №12. С. 79–98.
24. Феофан Прокопович 1831 — Феофан Прокопович. Краткая повесть о смерти Петра Великого, Императора и Самодержца Всероссийского... С присовокуплением: Описания порядка, держанного при погребении... Петра Великого... и... Наталии Петровны. СПб., 1831.
25. Popelka 1994 — Popelka L. *Castrum doloris* oder «Trauriger Schauplatz». Untersuchungen zu Entstehung und Wesen ephemer Architecture. Wien, 1994.

References

1. Ageeva, O. G. (2001), "Peterburgsky traurny tseremonial Doma Romanovykh v nachale XVIII veka" [St Petersburg funeral ceremony of the House of Romanov at the beginning of the 18th century], *Fenomen Peterburga*, Russko-Baltiyskiy informatsionny tsentr "BLITS", St Petersburg, Russia, pp. 491–505.
2. Ageeva, O. G. (2006), "Evropeyskie obraztsy i tseremonialy russkogo imperatorskogo dvora XVIII veka" [European models and ceremonials of the Russian Imperial Court in the 18th century], *Rossiia i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriyatiya* [Russia and the World through each other's eyes: from the history of mutual perception], Institute of Russian History, Moscow, Russia, no. 3, pp. 249–268.
3. Ageeva, O. G. (2007), "K istorii traurnogo tseremoniala Romanovykh petrovskogo vremeni: redky risunok pogrebeniya predstavitel'nitsy tsarskoy semyi (iz OR RNB)" [On the history of the funerary ceremony of the Romanov dynasty in the Petrine epoch: a rare drawing representing a funeral of a Royal family member (from the Manuscript Department of the Russian National Library)], *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, State Hermitage Publishers, St Petersburg, Russia, vol. 38, pp. 5–13.
4. Ageeva, O. G. (2015), "Tseremonial pogrebeniya tsaritsy Praskovyi Fedorovny: redky dokument po istorii russkogo dvora nachala 18 veka" [The funeral ceremony of the empress Praskovia Fyodorovna: a rare document on Russian Court history of the early 18th century], *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, State Hermitage Publishers, St Petersburg, Russia, vol. 78, pp. 5–11.
5. Aleksandr I. "Sfinks, ne razgadanny do groba..." [Alexander I. "The Sphinx, unravelled to the grave..."] (2005), State Hermitage Publishers, St Petersburg, Russia.
6. Alekseeva, M. A. (2013), *Izobrazheniya koronatsionnykh i pogrebalnykh tseremoniy XVIII veka. Izdannye i neizdannye albomy* [Images of coronation and burial ceremonies of the 18th century. Published and unreleased albums], *Iz istorii russkoy graviry XVII – nachala XIX veka* [From the history of Russian engraving of the 17th – early 19th century], Alyans-Arkheo, Moscow, St Petersburg, Russia, pp. 283–293.
7. Aronova, A. A. (2007), "Imperatorsky final: pogrebenie Petra I kak poslednee pridvornoe torzhestvo gosudarya-reformatora" [An Imperial finale: the burial of Peter the Great as the last court pageant of the reformer tsar], *Iskusstvoznanie*, no. 3–4, State Institute for Art Studies Publishers, Moscow, Russia, pp. 108–141.
8. Aronova, A. A. (2016), "Poslednee torzhestvo imperatritsy Elizavety Petrovny" [The last pageant of the empress Elizaveta Petrovna], *Iskusstvoznanie*, no. 3, State Institute for Art Studies Publishers, Moscow, Russia, pp. 98–135.
9. Bolotina, N. Yu. (2016), "Posledny put tsarevny Praskovyi Ivanovny: tseremonial pokhoron chlena imperatorskoy familii Romanovykh" [The last path of the tsarevna Praskovia Ivanovna: the funeral ceremony of a member of the Romanov Imperial family], *Romanovy v doroge. Puteshestviya i poyezdki chlenov tsarskoy semi po Rossii i za granitsu* [The Romanovs on the road. Travels and voyages of the Royal family members in Russia and abroad], Nestor-Istoriya, St Petersburg, Russia, pp. 23–32.
10. Gendrikov, V. B. (2007), "Zapadnoevropeyskie vliyaniya v imperatorskom pogrebalnom rituale" [The Western European influences on the Imperial funeral ritual], *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, State Hermitage Publishers, St Petersburg, Russia, vol. 36, pp. 170–176.
11. Karnovich, E. P. (1992), *Lyubov i korona* [The love and the crown], Vysshaya shkola, Moscow, Russia.
12. Korndorf, A. S. (2018), "Le grand théâtre de la mort. Dzhakomo Kvarengi i pogrebalnye tseremonii imperatora Pavla" [Le grand théâtre de la mort. Giacomo Quarenghi and the funeral ceremonies of the emperor Paul], *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, vol. 96, State Hermitage Publishers, St Petersburg, Russia, pp. 387–415.
13. Logunova, M. O. (2011), *Pechalnye ritually imperatorskoy Rossii* [The funeral rituals of Imperial Russia], Tsentrpoligraf, Moscow, Russia.
14. Matveev, V. Yu. (1984), "Raznykh khudozhestv masters (novye arkhivnye materialy k istorii russkoy kultury pervoy chetverti XVIII veka)" ["Masters of various arts" (new archival materials on the history of Russian culture in the first quarter of the 18th century)], *Nauka i kultura v Rossii* [Science and culture in Russia], Institute of the History of Natural Science and Technology of the USSR Academy of Sciences (Lomonosov Museum), Leningrad, Russia, pp. 144–177.
15. Mikhaylov, G. V. (2002), *Zimnie dvortsy Petra I. Arkhitektura i khudozhestvennoe ubranstvo. Sobytiya i lyudi* [The Winter palaces of Peter the Great. Architecture and artistic decoration. Events and people], St Petersburg University Publishers, St Petersburg, Russia.
16. *Obstoyatelnoe opisaniye torzhestvennykh poryadkov blagopoluchnago vshestviya v tsarstvuyushchy grad Moskvu i svyashchenneyshago koronovaniya... imperatritsy Elisavet Petrovny...* [A detailed description of the solemn orders of the successful entry into the reigning city of Moscow and the most sacred coronation... of the empress Elizabeth Petrovna...] (1744), Imperial Academy of Sciences, St Petersburg, Russia.
17. *Opisaniye poryadka, derzhannago pri pogrebenii... Petra Velikago... i... Natalii Petrovny* [Description of the order kept at the burial of... Peter the Great... and... Natalia Petrovna] (1725), Senate, St Petersburg, Russia.

18. Prokopiev, A. Yu. (2007), "Pogrebenie Petra Velikogo: protestantsky standart v pravoslavnoy Rossii" [The burial of Peter the Great: The protestant standard in orthodox Russia], *Severnaya voyna, Sankt-Peterburg i Evropa v pervoy chetverti XVIII veka* [The Northern war, St Petersburg and Europe in the first quarter of the 18th century], St Petersburg University Publishers, St Petersburg, Russia, pp. 46–67.
19. Prokopovich, F. (1831), *Kratkaya povest o smerti Petra Velikago, Imperatora i Samoderzhitsa Vserossiyskago... S prisovokupleniem: Opisaniya poryadka, derzhannago pri pogrebenii... Petra Velikago... i... Natalii Petrovny* [A short tale about the death of Peter the Great, Emperor and Autocrat of All-Russia... With an addendum: Descriptions of the order kept at the burial of... Peter the Great... and... Natalia Petrovna], I. Glazunov Printing House, St Petersburg, Russia.
20. *Ritual pechalnogo kortezha. Ritual pokhoron Rossiyskikh imperatorov* [Funeral ceremonies for the Russian emperors] (1998), Spetsialnaya literatura, St Petersburg, Russia.
21. Titov, A. A. (1903), *Dopolnenie k istoricheskomu, geograficheskomu, topograficheskomu opisaniyu Sankt-Peterburga, s 1751 po 1762 god, sochinennoe A. Bogdanovym* [A supplement to the historical, geographical, and topographical description of St Petersburg, from 1751 to 1762, composed by A. Bogdanov], Typo-Lithography Partnership of I. M. Mashistov, Moscow, Russia, pp. 141–159.
22. Tyukhmeneva, E. A. (2019), "Gosudarstvennye simvoly v khudozhestvennom oformlenii imperatorskogo traurnogo tseremoniala v Rossii pervoy poloviny XVIII veka" [State symbols used in the artistic decoration of Imperial funeral ceremonies in Russia in the first half of the 18th century], *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha, State Hermitage Publishers, St Petersburg, Russia*, vol. 101, pp. 316–326.
23. Tyukhmeneva, E. A. (2020), "Pechalnye torzhestva Petra I: printsipy khudozhestvennogo oformleniya i ikh razvitie v imperatorskom pogrebalnom tseremoniale XVIII veka" [The last pageant of Peter the Great: the principles of decoration and their development in the Imperial funeral ceremonial of the 18th century], *Kultura i iskusstvo*, no. 12, Nota bene, Moscow, Russia, pp. 79–98.
24. *Vnutrenny byt Russkogo gosudarstva s 17 oktyabrya 1740 goda po 25 noyabrya 1741 goda po dokumentam, khranyashchimsya v Moskovskom Arkhivе Ministerstva Yustitsii* [The internal life of the Russian state from October 17, 1740 to November 25, 1741, according to documents stored in the Moscow Archive of the Ministry of Justice], 1880, Moscow University (M. Katkov), Moscow, Russia, vol. 1.
25. *Yunost derzhavy* [The youth of the Empire], 2000, Sergey Dubov Foundation, Moscow, Russia.
26. Popelka, L. (1994), *Castrum doloris oder "Trauriger Schauplatz", Untersuchungen zu Entstehung und Wesen ephemer Architecture*, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, Österreich, Wien.

Информация об авторе

Екатерина А. Тюхменева, кандидат искусствоведения, Научно-исследовательский институт теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, Москва, Россия, 119034, Москва, ул. Пречистенка, д. 21; tyukhmeneva@mail.ru

Author Info

Ekaterina A. Tyukhmeneva, Cand. of Sci. (Art history), Research Institute of Theory and History of Fine Arts, Russian Academy of Arts, Moscow, Russia; 21 Prechistenka St, 119034 Moscow, Russia; tyukhmeneva@mail.ru